

Ямалова Ю. В. ТГУ, аспирант.

Научный руководитель: Е. Г. Новикова.

Функционирование повествовательных стратегий романа Э. Бронте «Грозовой перевал» в русскоязычных переводах.

Благодаря своей богатой повествовательной структуре, роман Э. Бронте «Грозовой перевал» представляет высокий исследовательский интерес. Организация повествовательной структуры произведения – это сложная схема рассказчиков. В качестве основных повествователей следует назвать арендатора «Мызы скворцов» мистера Локвуда и старую служанку, работавшую и в «Грозовом перевале» и на «Мызе скворцов», Нэлли Дин. Помимо этих двух персонажей, голосовая полифония в романе создается благодаря другим героям, и это становится возможным за счет введения в повествование романа личных писем и дневниковых записей действующих лиц произведения.

В настоящем исследовании впервые предпринимается попытка анализа речи повествователей с целью выявления в ней элементов сказа. Также предполагаем проследить функционирование сказовых элементов в текстах переводов романа.

Базовыми исследованиями в теории сказа являются труды Б.М.Эйхенбаума, Ю.Н.Тынянова, В.В.Виноградова, М.М.Бахтина; в рамках современной нарратологии – это исследования В.П.Скобелева, Е.Г.Мущенко, В.Шмида и др.

Сказ неразрывно связан с образом автора, но часто авторская позиция не проявлена в произведении, и его роль отдана герою – рассказчику. «Рассказчик – речевое порождение автора, и образ рассказчика в сказе – это форма литературного артистизма автора»¹. В таком произведении все события и персонажей читатель воспринимает через призму сознания и мировоззрения рассказчика, «...часто сюжетная динамика новеллы оказывается преломленной <...> сквозь призму сознания и стилистического оформления посредника – рассказчика (Medium)»². Эта субъективность является значимым аспектом в определении образа рассказчика и особенностей сказовых элементов его речи.

Одной из основных задач сказа является адаптация слова персонажа к реальным условиям живой речи. Писатель, передавая речь героев, использует определенные сигналы, указывающие на импровизационную природу их диалогов, суждений и пр.

В настоящем исследовании анализируются сказовые элементы в речи героев-повествователей романа «Грозовой перевал» – мистера Локвуда и служанки Нэлли Дин. Повествуя о событиях романа устами героев – рассказчиков, писательница использует разнообразные приемы, помогающие приблизить диалог к реальной ситуации говорения.

В «Грозовом перевале» одним из главных героев является Хитклифф, и Э. Бронте как автор романа наделяет его, скорее, негативными, чем позитивными чертами. Но мистер

Локвуд, знакомясь с ним, характеризует его положительно: искавший уединения, он увидел в Хитклиффе, прежде всего, скромного, неразговорчивого соседа: «A capital fellow!»³ (Н. Вольпин: «Превосходный человек!»⁴ У. Сапцина: «Славный малый!»⁵) Однако очень скоро грубое поведение Хитклиффа резко меняет мнение Локвуда о нем: «No longer felt inclined to call Heathcliff a capital fellow»⁶. (Н. Вольпин: «Теперь я уже не назвал бы Хитклифа превосходным человеком»⁷. У. Сапцина: «Похоже, я поспешил с выводами, определив Хитклиффа как «славного малого»⁸.) В данном эпизоде ярко проявилось субъективное мнение рассказчика, которое прямо противопоставлено авторскому. Здесь наглядно продемонстрирована дистанция, которая организована Э. Бронте между своей авторской позицией и позицией рассказчика, предоставляющая ему право на собственное субъективное мнение, складывающееся в результате проживания героем определенных ситуаций. Эта дистанция между писательницей и рассказчиком сохранена в обоих вариантах перевода.

Принципиально важными для восприятия читателем речи как живой являются так называемые «особенные сигналы», «...посредством которых у читателя возбуждается представление о речи, как о создаваемой в условиях не письма, а произношения <...> В самом деле, воображая речь звучащей, читатель мысленно должен перенестись в обстановку говорения, воспроизвести ее детали»⁹. В качестве подобных сигналов могут выступать различные характеристики речи, внешность героев, описание обстановки и пр. «...she said, rising and reaching from the chimney – piece two of the painted canisters»¹⁰. (Н. Вольпин: «...сказала она и, встав, сняла с камина две яркие жестянки»¹¹. У. Сапцина: «...сказала хозяйка, встала и потянулась за двумя пестрыми жестянками, стоящими над очагом»¹².) «She kissed me gently: I was all flour making the Christmas cake...»¹³ (Н. Вольпин: «Она осторожно поцеловала меня: я месила тесто для рождественского пирога и была вся в муке...»¹⁴. У. Сапцина: «Мне достался опасливый поцелуй: я пекла рождественский пирог и была вся в муке...»¹⁵.) Как правило, подобные уточнения не претерпевают принципиальных изменений в тексте перевода, что мы видим из приведенных примеров.

Часто рассказ повествующих героев – это устный рассказ. Смысл сказа заложен не только в самой семантике слова, но и в обстановке ее произнесения. Без указаний автора на различные бытовые условия слово не способно вместить весь набор смыслов. Так создается экспрессивно окрашенная речь героев произведения, ощущение живого (не написанного) диалога. Без определенных указаний писателя на ситуацию говорения восприятие речи как непосредственной и живой становится невозможным.

В ситуации имитирования устного высказывания семантическая окраска речи зависит не только от обстановки и других внешних факторов, но, и от эмоционального настроения рассказчика: «Whet are you for?» he shouted. <...> Is there nobody inside to open the door?» I

hallooed, responsively»¹⁶. (Н. Вольпин: «Чего вам?» – закричал он. <...> «Есть кто-нибудь в доме, кто мог бы открыть дверь? – прокричал я в свой черед»¹⁷. У. Сапцина: «Чего вам? крикнул он <...> А доме совсем некому отпереть дверь? – поинтересовался я»¹⁸.) В приведенном эпизоде экспрессия диалога и эмоциональная напряженность героев создается посредством глаголов «to shout» (кричать), «to halloo» (громко кричать, привлекать внимание). Выбор подобных глаголов рассказчиком обусловлен ситуацией (слуга Джозеф не выпускает гостя мистера Локвуда в имение), и диалог приобретает черты реальной разговорной ситуации в условиях определенного бытового общения. Однако, переданная в первом варианте перевода экспрессия, вторым переводчиком не воспроизводится, что приводит к сглаживанию эмоциональной остроты диалога.

В целом, в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» сказ закреплён за рассказчиками, которые являются посредниками между писателем и художественным миром, и восприятие событий и героев произведения во многом зависит от концепции их речи, их субъективного видения. Что касается переводов романа, можно сделать вывод, что большинство повествовательных стратегий в обоих случаях переводного текста сохраняются.

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 2005. С. – 140.

² Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды – М., 1980. – С. 42.

³ Selected works of the Brontë sisters. – London 2005. – С. 723.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2003. – С. 488.

⁵ Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2009. – С. 5.

⁶ Selected works of the Brontë sisters. – London 2005. – С. 729.

⁷ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2003. – С. 495.

⁸ Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2009. – С. 13.

⁹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 2005. С. – 142 – 143.

¹⁰ Selected works of the Brontë sisters. – London 2005. – С. 727.

¹¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2003. – С. 494.

¹² Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2009. – С. 11.

¹³ Selected works of the Brontë sisters. – London 2005. – С. 753.

¹⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2003. – С. 530.

¹⁵ Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2009. – С. 47.

¹⁶ Selected works of the Brontë sisters. – London 2005. – С. 727.

¹⁷ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2003. – С. 493.

¹⁸ Бронте Э. Грозовой перевал. – М., 2009. – С. 10.